

И.И. Панаев

Сочинения

Иван Иванович Панаев

Камелии

(Очерки из петербургской жизни)

«Знакомство с камелиями еще легче. Есть много способов знакомиться с ними, и тот, который я расскажу вас сейчас, еще не из легчайших.

Волнение и нетерпение моего иногороднего друга и непреодолимое желание разгадать, кто его маска, возрастали в нем с каждой минутой по мере приближения маскарада, в котором тайна должна была открыться...»

Иван Иванович Панаев

Камелии

Знакомство с камелиями еще легче. Есть много способов знакомиться с ними, и тот, который я расскажу вас сейчас, еще не из легчайших.

Волнение и нетерпение моего иногороднего друга и непреодолимое желание разгадать, кто его маска, возрастали в нем с каждой минутой по мере приближения маскарада, в котором тайна должна была открыться. Он подозревал ее в каждом хорошеньком личике, которое встречал на улицах, и преследовал беспокойным и подозрительным взглядом каждую женщину, одетую со вкусом. Однажды в опере (мы сидели рядом) он долго смотрел в свой бинокль на даму с белокурыми, пушистыми локонами, которую он увидел в первый раз, в платье белого дама с черными кружевами, потому что в ней он по какой-то причине более всего подозревал свою маску.

И вдруг он обратился ко мне:

– Ты хорошо знаком с этою госпожою? – спросил он меня, указывая на ложу.

– Ну, так что ж?..

– Ты можешь меня представить к ней?

– Хоть сию минуту. Отчего же ты прежде мне не сказал об этом? Я бы давно тебя представил.

– Так, мне не хотелось, а теперь я бы желал. Только что занавес, после первого действия, опустился, мы отправились наверх.

Мы вошли в маленькую комнату перед ложей, в которой стояли диван, несколько стульев и над диваном зеркало. Луиза, дама с пушистыми локонами, известная всему Петербургу под этим именем, сидела на диване, обмахиваясь веером и улыбаясь на любезности какого-то офицера, который сидел рядом с нею. Другой, статский, разговаривал стоя с ее наперсницей – с девицей или дамой, столько же дурной, сколько бойкой...

Когда мы вошли, статский взглянул на нас с беспокойством и вопросительно посмотрел на наперсницу.

Луиза протянула мне руку. Я представил ей моего иногороднего друга.

– Очень, очень рада, – произнесла Луиза тем ломаным русским языком, каким обыкновенно говорят немки, несколько растяги-

вая слова, – давно вы приехали в Петербург?..
Здесь весело вам?

При этих звуках мой иногородний друг смешался и даже взглянул на меня с недоумением...

– Заметили вы, какой браслет у Бозио? Мне очень нравится, – продолжала она, обращаясь любезно ко всем нам.

– Вам, кажется, нельзя завидовать чужим браслетам, – сказал военный, – таких браслетов нет ни у кого, как у вас. Например, вот этот...

И он взял руку Луизы с драгоценным браслетом, поднял ее и взглянул на нас.

Мы начали рассматривать браслет и восхищаться им.

– Этот браслет хорош. Он стоит три тысячи... Послушайте, граф, – Луиза обратилась к статскому, разговаривавшему с ее наперсницей, – что вы там делаете? Принесите мне стакан воды.

Тот, которого называла она графом, вышел из ложи и через минуту принес на подносе стакан воды.

– Погодите, граф, немножко подержите...

Мне еще жарко... можно простудиться...

– Ах, нет, не беспокойтесь! это вода не холодная, – перебил граф, – я не принес бы вам холодной воды...

– Все равно погодите... А знаете, граф, что я влюблена в него. – Она указывала на офицера, улыбаясь. – Ах, боже мой, как я о нем страдаю!

Граф все держал поднос со стаканом. Он принужденно улыбался.

– Ну, что ж! я вас поздравляю с этим...

– Право, ей-богу... влюблена. Луиза захохотала.

Потом еще минут пять продолжала она разговор в этом роде, а граф все стоял перед нею с подносом. Между тем наперсница говорила с моим иногородним другом по – французски очень ловко и бойко. Наконец мы раскланялись.

Луиза снова протянула мне руку.

– Приезжайте ко мне... Пожалуйста... привозите вашего приятеля.

И она приятно улыбнулась моему иногороднему другу. Граф все стоял с подносом. Мы вышли в коридор.

– Боже мой! Что это такое? Я не верю своим ушам! – воскликнул мой иногородний друг, – я не могу прийти в себя, объясните мне...

– Что такое?

– Ведь я воображал, что ваши петербургские камелии имеют хоть какое-нибудь внешнее образование, хоть говорить умеют... а это... да неужели они все в таком роде?

– Нет... Есть такие, которые умеют держать себя лучше и говорят довольно прилично.

– И я мог подозревать, что это моя маска! И с чего мне этакая глупость пришла в голову?.. Ну, а этот граф-то что такое?..

– Граф имеет тысяч полтораста дохода, он влюблен в Луизу, как безумный, страшно ревнует ее и всегда там, где она... Ну, а Луиза все больше и больше увлекает его. Вы не смотрите на нее, что она такая простенькая на вид: она прехитрая!..

– Но как же может завлечь такая женщина? Что в этом личике? с ней слова сказать не о чем. Даже эта госпожа, которая с ней выезжает, – гений ума и образования перед нею!.. И на таких женщин тратят сотни тысяч!.. Ни-

чего не понимаю!..

В маскараде Дворянского собрания я хотел было подвести моего иногороднего друга к Арманс, чтобы примирить его несколько с петербургскими камелиями. Арманс – француженка, и, несмотря на то, что ее образование немного выше образования Луизы, Арманс умеет бросать пыль в глаза своею болтовнёю и поддерживать разговор. Она очень весела, жива и находчива на ответы; она может принимать на себя какие угодно роли – разыгрывать недоступную даму и вдруг превращаться в самую разгульную и отчаянную лоретку. Она отлично поет: *Un soir a la barriere...* канканирует изумительно и вообще очень забавна; но познакомить с нею моего иногороднего друга я не мог, потому что он уже был занят своею маской.

Я сидел в маленькой угольной комнате и смотрел на известного читателю господина с соболями вместо бровей и с нахальным носом, который держал какую-то маску за руку и кричал ей, поводя своими соболями:

– Поверь мне, бо-маск, что я не пожалею тысячи целковых. Пароль д'онер. Деньги –

вещь наживная... Надобно иметь только немножко здесь.

И он тыкал пальцем в свой узенький лоб...

В эту минуту мой иногородний друг очутился передо мной и схватил меня за руку.

– Я тебя ищу везде. Поздравь меня, – сказал он мне, улыбаясь, – я наконец знаю, кто моя маска, и ты ее знаешь...

– Неужели?

Он наклонился к моему уху и шепнул:

– Александра Николаевна... – и к этому прибавил фамилию, о которой я умолчу из скромности.

– Александра Николаевна! – воскликнул я, стараясь выразить как можно более удивления.

– Она, она! Пойдемте к ней; она мне велела привести тебя, она ждет нас.

Когда мы подошли к Александре Николаевне, она взяла меня за руку и сказала:

– Знаете ли, что мы очень сошлись с вашим приятелем?.. Но я только сейчас узнала, что вы знакомы друг с другом. Вы, верно, будете так добры, что возьмете на себя труд привезти его ко мне завтра... Не правда ли?

тем более, что вы очень давно у меня не были и я на вас сердита. Если вы хотите заслужить прощение, исполните то, о чем я вас прошу... Итак, a demain, messieurs!..

Она полсала нам руки, кивнула головой и скрылась.

Через десять минут она снова расхаживала по залам, только в другом домино, не узнаваемая моим иногородним другом. Она подошла ко мне.

– Что ж, ты завтра привезешь его ко мне? – спросила она. – А знаешь ли, он премилый и преумный...

– В самом деле?.. Да ты уж не начинаешь ли чувствовать к нему некоторого влечения?

– А почему же нет?.. Он еще такой молодой сердцем, у него еще кровь кипит... Не к вам же чувствовать влечение... все вы противные, бездушные эгоисты, вы уже отжили, в вас нет искры жизни!.. Скажи, ты его хорошо знаешь?

– Довольно. Да говори прямо: тебе хочется знать, богат он или нет?.. Он имеет хорошее состояние. Влюбиться в него полезно, я советую тебе.

– Гадкий! – произнесла Александра Николаевна, ударив меня пальчиком по носу.

На другой день в два часа утра мы явились к ней... В комнате царствовал полусвет... Кружевные занавески на окнах были опущены; сквозь них виднелись цветы. Камин пылал довольно ярко. Александра Николаевна сидела в самом темном углу комнаты. Ее утренний туалет, ее поза, высунувшаяся из-под платья ножка, ручка с блестящими кольцами на одном пальце, беспокойно передвигавшаяся, ее взгляды, каждый поворот головы и проч., – все, что приводило моего иногороднего друга в упоение, было в моих глазах одним расчетом.

И как ловко избегала она яркого дневного света!..

Когда мы уселись против нее, она сказала, обращаясь к моему иногороднему другу:

– Прежде всего я должна просить у вас прощения. Вы, верно, не ожидали этого?.. Не удивляйтесь: именно прощенье – *c'est le mot*, потому что мы были против вас в заговоре. Ваш приятель – мой старый знакомый (она указала на меня) – упросил меня развлечь

вас, сказал мне, что вы приезжие, что у вас в Петербурге нет знакомых. Я живо вообразила ваше положение, как вы должны будете скучать одни: ведь наши дамы интригуют только знакомых кавалеров, – а эти господа (она снова указала на меня) так вялы и скучны, что я, признаюсь, с удовольствием взяла на себя роль развлекать нового, живого человека, не похожего на них... я хотела доставить вам несколько приятных минут... не знаю, успела ли я в этом?..

Она бросила на него проницательный взгляд.

– Что касается до меня я никогда не забуду тех приятных часов, которые вы мне доставили: мне никогда не было так хорошо в маскарадах.

Она снова взглянула на моего иногороднего друга и продолжала:

– Если я в маске могла сколько-нибудь быть вам приятной, занять вас хоть на минуту, развлечь вас... я желала бы, чтобы эти впечатления я сумела поддержать в вас теперь, когда без маски. Вы видели перед собой вымышленную женщину, теперь вы видите на-

стоящую. Мне было бы очень приятно, если бы вы с настоящей были так же откровенны и прямы, как с вымышленной...

Она остановилась на минуту и прибавила, протягивая к нему свою руку:

– Знакомство, которое началось шуткой, может продолжаться серьезно. Не правда ли?..

Он поцеловал ее руку...